

Красавица потянулась к нему — легко и плавно, словно в танце, но ловко используя неровность земли, чтобы лишить юношу возможности уклониться.

Цзинпин споткнулся, неловко взмахнул руками и едва не растянулся во весь рост.

Но именно благодаря этой неуклюжести изящная ручка Иншу схватила лишь пустоту.

— Госпожа! Я вовсе не отказывался платить! — попытался воззвать к разуму юноша.

Красавица лишь слегка изогнула бровь. Ее тонкая ладонь изменила направление, и легким, изящным движением она подцепила пальцем шнурок на шее парня.

— Ой-ой, — ее улыбка сделалась приторно-сладкой. — Оставь вещицу у меня на пару дней. Как соберешь нужную сумму, сестрица тебе все вернет.

Цзинпин, разумеется, делиться не собирался и крепко вцепился в хлопковую нить.

Тонкий шнурок натянулся струной, натужно затрещал и вот-вот готов был лопнуть. Юноша не на шутку перепугался. Позабыв о приличиях, он рванулся вперед, пытаясь перехватить запястье противницы.

Но вдруг тени за его спиной качнулись, и между спорящими взметнулся широкий шелковый рукав, мягко, но решительно разорвав их сцепку.

Воспользовавшись заминкой, Цзинпин поспешно спрятал кольцо из белого нефрита за пазуху, а тонкую иглу, которую держал зажатой между пальцами, мгновенно убрал в рукав.

Иншу раздосадованно вздохнула. На ее лице промелькнула тень гнева, но уже в следующее мгновение она расцвела кокетливой улыбкой:

— Неужели у секретаря Хуа сегодня выдался свободный денек?

Хуа Синьфэн тепло улыбнулся в ответ:

— С чего бы госпоже Иншу затевать ссору с ребенком?

Эту красавицу звали Иншу. Она была восходящей звездой среди местных танцовщиц и певиц — хороша собой, с чарующим голосом и невероятно изящными движениями. Богатые господа наперебой твердили, что не пройдет и года, как слава ее прогремит на всю округу, а за возможность услышать хотя бы одну ее песню придется выкладывать целое состояние.

Она поправила выбившуюся на лоб прядь волос и, тихо рассмеявшись, ответила:

— Этот юноша мне незнаком, вот я и решила немного его подразнить. — При этих словах ее блестящие глаза скользнули за спину Хуа Синьфэна. — Господин Ли ведь тоже здесь?

О да, он был здесь.

Высокий, стройный силуэт у окна неторопливо поднялся. Мужчина неспешно подошел ближе:

— Раз уж договорился с вами, как я мог не дождаться?

В Бамбуковом городе все, кто знал этого седовласого юношу, считали его младшим дядей-наставником секретаря Хуа. Но никому и в голову не приходило, что перед ними — тот самый Ли Яо, главный герой легенд, которые так любил пересказывать Старый рассказчик.

В народе поговаривали, будто он давно мертв.

Однако, как видно, он был вполне себе жив.

«Яо» означает перемену, движение.

Если даже собственное имя сулит вечные метания, то и жизнь вряд ли окажется спокойной.

Потому Ли Яо не жаловал свое имя.

Около полугода назад он взял себе прозвище Ли Будуй и поселился в уединенном дворике на самой окраине города.

Местным казалось, будто он появился здесь в одночасье. Поначалу все принимали родственника влиятельного чиновника за загадочного, благородного отшельника, чей возраст невозможно было угадать. Но шло время, и люди заметили: живет он один, ничем полезным не занят, зато обожает людные сборища и при каждом удобном случае шутит да смеется. Очарование таинственности быстро рассеялось. Соседи лишь сокрушенно вздыхали: такая великолепная, поистине божественная внешность — и досталась какому-то праздному гуляке.

До появления Ли Яо секретарь Хуа был завидным женихом. На лицо моложавый, хотя разменял уже пятый десяток, холостой, облеченный властью и делом — свахи так и вились вокруг его дома, едва не истоптав порог в пыль.

Но стоило ему сойтись с седовласым дядюшкой, как поток свих иссяк наполовину.

А все потому, что стоило им оказаться вместе, как всякое почтение испарялось: дядя вел себя легкомысленно, племянник — дерзко. Они без конца пропадали в кабаках и чайных лавках, а порой заглядывали и в веселые кварталы.

Обычная сдержанность Хуа Синьфэна, его привычка скрывать любые эмоции при встрече со взбалмошным родственником разлетались в пух и прах — порой от злости у него аж лицо перекашивалось. В Южной Цзинь весьма благосклонно относились к мужской дружбе определенного толка, так что неразлучная парочка быстро стала излюбленной темой для сплетен и двусмысленных рассказов местных кумушек.

Словом, репутацию секретаря Хуа этот дядюшка подмочил изрядно, хотя, если разобраться, Ли Яо никогда не принуждал его делать глупости.

— Намедни вы обмолвились, что бусина на моем нефритовом поясе хороша. Позвольте преподнести ее вам в подарок, — Ли Яо достал из-за пазухи блестящую зеленую бусину размером с медную монету и протянул Иншу.

Девушка с улыбкой приняла подношение, передала его служанке и изящно поклонилась:

— Благодарю вас, господин Ли. Гостей сегодня немного, так что я спою для вас пару песен, а после присоединюсь к вашей трапезе. Жаль только... — она сокрушенно перевела взгляд на осколки винного кувшина на полу.

— Пойте, сколько пожелает душа, я буду только рад слушать, — Ли Яо прикрыл глаза, вдыхая тонкий аромат пролитого вина. — Чудесный напиток, от одного запаха кружится голова. — С веселым смехом он вернулся на свое место.

Когда суматоха улеглась, Цзинпин посмотрел на сцену, затем перевел взгляд на Ли Яо, подошел к его столу и вежливо поклонился, сложив ладони:

— Благодарю за помощь. Я верну вам стоимость этой бусины.

Ли Яо с любопытством оглядел юношу. Из-за угла обзора он не успел толком разобраться, как именно они сцепились, но заметил, что оба сдерживали силы. Особенно его поразили легкие, на первый взгляд неуклюжие, но на деле выверенные шаги парня.

— Я подарил ее от чистого сердца, так что забудь об этом, — мягко ответил он.

— Позвольте узнать, где ваш дом? Как только я соберу нужные деньги, сразу же принесу долг.

«Ну и упрямый же малый»

— Раз уж судьба свела нас, не спеши уходить. Присаживайся, выпьем по чарке, — предложил Ли Яо.

Тем временем на сцене зазвучал голос Иншу. Пела она необычно: вначале голос казался слегка хрипловатым, но, если вслушаться, можно было различить в нем глубокую, нежную грацию. Поговаривали, в детстве она перенесла тяжелую лихорадку, которая повредила связки, но судьба обратила эту беду в дар, наградив ее неповторимым тембром. Образы цветов и порхающих бабочек, о которых лилась песня, оживали в полумраке второго этажа чайного дома, плавно улетая в открытые окна и вдыхая жизнь в увядающие осенние холмы.

Юноша уже собирался присесть, но, заметив мечтательную полуулыбку на лице Ли Яо, устремившего взгляд на певицу, вдруг передумал. Он отвесил короткий вежливый поклон и поспешил вниз по лестнице — судя по всему, здешнее общество пришлось ему не по душе.

Ли Яо не стал его удерживать. Дождавшись, пока шаги парня стихнут, он вполголоса спросил Хуа Синьфэна:

— С чего ты вдруг решил вмешаться?

— Я мельком увидел на его шее кольцо из белого нефрита. Вспомнил об А-Су и... просто не удержался.

«А-Су», о которой он говорил, когда-то была его возлюбленной. Но чувства угасли, как опадающие лепестки, девушка вышла замуж за герцога Синя, и все прежнее обратилось в прах.

Вздохнув, Хуа Синьфэн одним глотком осушил остывший чай.

— Совсем из ума выжил, — горько усмехнулся он, возвращаясь к делу. — И все же, зачем ты остановил меня? Почему не дал схватить того лазутчика из народа Цзе?

— Это лишь мелкая сошка, — усмехнулся Ли Яо и, поднося чашу к губам, прикрылся широким рукавом, чтобы едва слышно прошептать несколько слов.

На лице Хуа Синьфэна отразились крайнее изумление и растерянность. Он долго пытался подобрать слова, но так и не решился ничего сказать. В конце концов, проворчав что-то под нос, он поднялся из-за стола:

— Всю жизнь тебе суждено маяться чужими заботами...

Ли Яо лишь молча проводил его взглядом. Он подозвал слугу, велел согреть кувшин вина, наполнил кубок и, приподняв его в сторону Иншу, выпил до дна.

Певица ответила ему лукавым, многозначительным взглядом.

Так они и сидели: один пел, другой пил, обмениваясь нежными взглядами, пока чайная постепенно наполнялась людьми.

Вот только со здоровьем у Ли Яо явно было не все ладно. То ли крепкое вино обожгло горло, то ли из окна потянуло сквозняком, но он вдруг зашелся сухим, глухим кашлем. Поначалу он еще пытался сдерживаться, но вскоре приступ стал невыносимым.

Боясь нарушить музыку, он бросил на Иншу извиняющийся взгляд и поспешно, немного растерянно покинул заведение.

Солнце клонилось к закату. Небо затянуло тяжелыми тучами, и мелкая изморось, коснувшись горячих бумажных фонарей у входа, мгновенно испарялась.

Спустившись на улицу, Ли Яо тут же растерял всю свою слащавую веселость, и лицо его вновь приняло отрешенное, холодное выражение. Но кашель все никак не унимался.

— Господин, вам плохо?

Обернувшись на голос, Ли Яо увидел давешнего юношу. Тот торопливо шел к нему со стороны стены, и на его обычно безучастном лице читалось искреннее беспокойство. Надо же, он все это время ждал здесь?

— Как ты узнал, когда я выйду? И долго ли собирался стоять под дождем? Кхе-кхе...

Поток холодного воздуха заставил Ли Яо раскашляться еще сильнее. Он торопливо достал из-за пазухи флакон с лекарством и наспех проглотил пилюлю.

Заметив снадобье, Цзинпин немного успокоился, но, видя, как бледен его собеседник, негромко произнес:

— Вам не стоит бывать в подобных местах.

Надо же.

— В каких «таких»? — голос Ли Яо прозвучал холодно. — Будь у этих людей выбор, никто бы не стал торговать своей улыбкой и петь на потеху толпе.

Его резкий тон заставил юношу смутиться. Тот виновато пробормотал:

— Я... я вовсе не это имел в виду.

Ли Яо и сам понял, что погорячился. Зачем срываться на подростке? К тому же Иншу, скорее всего, и впрямь не так проста, как кажется.

При этой мысли он невольно скользнул взглядом по вороту парня, пытаясь рассмотреть скрытое кольцо.

Но юноша после недавней стычки затянул воротник так туго, что теперь невозможно было разглядеть даже тонкий шнурок, не то что само кольцо из белого нефрита.

«Смотри не задуши себя»

— Меня зовут Ли Будуй, — уже гораздо мягче произнес он. — А тебя?

— Цзинпин.

— Твоя фамилия Цзин? — удивленно спросил Ли Яо. Фамилия была редкой.

Цзинпин предпочел промолчать.

Дождь становился все сильнее. Подняв голову, Ли Яо заметил, что из окна второго этажа кто-то высунулся — это была служанка Иншу. Поймав его взгляд, девочка на мгновение замерла, но тут же лукаво улыбнулась и скрылась в глубине комнаты.

Чутье редко его обманывало. Если Иншу действительно та, о ком он думал, у нее должны быть куда более важные заботы. С чего бы ей тратить время на ссору с каким-то бродяжкой?

Ли Яо прищурился и мягко обратился к спутнику:

— Если ты не занят, не сочти за труд проводить меня... — Он не успел договорить: новый приступ кашля буквально согнул его пополам, выбивая воздух из груди.

Цзинпин нахмурился. Не в силах больше смотреть на его мучения, он шагнул вперед и бережно поддержал Ли Яо под локоть. Он не произнес ни слова, но жест этот говорил сам за себя.

Заметив его вечно угрюмый вид, Ли Яо не упустил случая поддразнить его:

— И не боишься... кхе-кхе... что я окажусь злодеем и продам тебя в рабство?

Они стояли совсем рядом.

Сквозь холодную сырость осеннего ветра Цзинпин вдруг уловил тонкий, едва заметный аромат, исходивший от одежды этого человека. Запах был приятным и почему-то дарил странное чувство покоя. Он казался смутно знакомым, но юноша никак не мог вспомнить, где слышал его прежде.

Он окинул Ли Будую внимательным взглядом, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку в памяти, но безуспешно. Слегка улыбнувшись, он тихо ответил:

— За меня все равно много не выручишь.

Лицо юноши было испачкано дорожной пылью, но под грязью угадывались благородные, чистые черты. И хотя он был еще совсем юн, в его облике сквозила будущая редкая красота. Эта первая робкая улыбка мгновенно преобразила его, растопив привычную суровость.словно теплый солнечный луч пробился сквозь вековые льды, согрев холодные воды горного ручья.

Ли Яо замер. Дело было не только в том, как шла парню эта улыбка, — в его тихих словах послышалась глубокая, совсем не детская горечь уязвленного самолюбия.

— Откуда ты родом? — спросил Ли Яо. — Не похож на здешнего. Приехал повидать родню?

Цзинпин лишь качнул головой.

— Совсем один остался?

Снова молчание.

— Почему же ты так встревожился, когда услышал о кончине Ли Яо?

Юноша приоткрыл рот, словно собирался что-то сказать, но смолчал.

«Ишь какой молчун, — мысленно вздохнул Ли Яо. — Слова из него клещами не вытянешь. Не иначе как обет молчания принял»

Но, услышав его вздох, Цзинпин все же отозвался:

— Лишние разговоры лишь силы тратят, потому и молчу.

Ли Яо невольно рассмеялся:

— В таком случае давай поспешим. Дома меня ждет один несносный жилец. Стоит нам вернуться, как он тут же примется изводить меня своими придирками.

«Так он женат?»

«Раз у него есть супруга, как он смеет заигрывать с певичками в чайных домах, да еще и рассуждать о нелегкой доле бедных девиц? Разве это честно по отношению к той, что ждет его дома? Какое бесстыдство!»

Эти мысли не на шутку разозлили Цзинпина. С досадой отпустив локоть Ли Будую, он зашагал рядом, вновь напустив на себя неприступный вид.

Ли Яо лишь недоуменно пожал плечами, не понимая, какая муха укусила мальчишку. Расспрашивать он не стал и просто зашагал вперед.

Несмотря на показную щедрость и сомнительные привычки, обитель Ли Будую находилась на самой окраине.

Едва они миновали городские ворота, грозовые тучи сошлись над их головами. В одно мгновение хлынул настоящий ливень, заставив обоих со всех ног припустить к укрытию.

Но от проливного дождя было не скрыться. Пока они бежали до ворот усадьбы, вода успела промочить их до нитки.

Только что Ли Яо мчался сквозь грозу, не разбирая дороги, но теперь замер у калитки тише воды, ниже травы, прижавшись ухом к мокрому дереву и прислушиваясь к звукам внутри.

«И впрямь боится гнева супруги»

Цзинпин лихорадочно соображал:

«Если сейчас начнется ссора, стоит ли мне вмешиваться? А если этот проходимец попытается выставить меня виноватым и заставит лгать ради него?»

Пока он размышлял, взгляд его скользнул по окрестностям. Стоило ему заметить, что холм за изгородью усыпан старыми могильными холмами, как по его спине пробежал холодок.

Люди обычно ищут уединения среди живописных рек и зеленых гор, желая любоваться красотами природы. Но этот чудак... Какую же цель он преследовал, селясь у кладбища?

Пока Цзинпин недоумевал, Ли Яо осторожно толкнул дверь. Тотчас из темного угла двора

навстречу им вихрем метнулась огромная тень.

— Гундань! — во весь голос рявкнул Ли Яо.

Цзинпин опешил.

«Надо же, сразу пустил в ход брань!»

Но навстречу им выбежала вовсе не разгневанная хозяйка дома. Это был огромный, угольно-черный пес.

Ли Яо грозно указал на него пальцем:

— Еще раз посмеешь броситься на меня — мигом отправлю в котел!

Пес тут же присмирел. Жалобно заскулив, он виновато затряс головой, преданно замахал хвостом и поспешно убрал испачканные грязью лапы, которые уже собирался водрузить на промокшие одежды хозяина.

С тихим вздохом Ли Яо зашагал во двор.

Пес принялся крутиться под ногами, так и норовя подставить хозяину подножку. Цзинпин затаил дыхание, боясь, что тот вот-вот наступит животному на лапу.

— Настырный зверь, — усмехнулся Ли Яо. — Вечно устраивает засады у ворот. И ведь сколько ни гони его прочь, все равно лезет ластиться. Кхе-кхе...

«Так те надоедливые расспросы, о которых он говорил по дороге... касались собаки?»

Цзинпин мысленно сокрушался:

«Надо же было додуматься назвать пса Гунданем... Его точно осел по голове лягнул!»

— Проводи нашего гостя в западный флигель, пусть отдохнет, — приказал Ли Яо собаке.

Пес коротко тявкнул, словно поняв каждое слово.

— Мы живем здесь вдвоем со старым слугой. В таком шуме он вряд ли услышал наш приход. Ступай в комнату, а я скоро принесу горячей воды и сухую одежду.

Цзинпин собирался было распрощаться, но ливень за стеной бушевал с такой силой, что небо казалось черным покрывалом.

Пока он колебался...

Раздался тихий призывный лай. Гундань закрутился на месте, приглашая следовать за собой. Видя, как умен этот пес, Цзинпин не выдержал и пошел следом.

Тьма окончательно окутала землю.

Войдя в комнату, Цзинпин зажег свечу на столе. Помещение оказалось небольшим и скромно обставленным, но прибранным и чистым. Повернувшись к собаке, он негромко произнес:

— Брат Гав, не желаешь зайти передохнуть?

Пес твякнул в ответ, вильнул хвостом и со всех ног припустил обратно во двор.

Цзинпин попытался стряхнуть воду со своей промокшей одежды. Он открыл дорожный узел, но его худшие опасения подтвердились: единственный сменный комплект платья промок насквозь — хоть выжимай.

Горестно вздохнув, он развесил вещи под навесом галереи. В этот момент во флигель вошел Ли Яо. В руках он держал деревянный таз с теплой водой и охапку сухого платья.

— Осенний дождь всегда несет с собой прохладу. Поспешి переодеться, пока не простудился.

При этом сам хозяин усадьбы даже не подумал переодеться: его собственные одежды прилипли к телу, а с мокрых волос все еще капала вода. Оставив принесенные вещи на столе, он почему-то не спешил уходить, принявшись бесцельно перекладывать склянки на полках.

Хотя прибирать там было решительно нечего.

Цзинпин молча уставился на него.

Ли Яо замер.

Несколько мгновений они безмолвно смотрели друг на друга, пока Ли Яо наконец смущенно не хлопнул себя по лбу:

— Ах да! Переодевайся, не стану мешать. Если понадобится что-то еще, позови дядю Суня.

Ли Яо поспешно вышел и притворил за собой дверь.

«Что за наваждение? — размышлял он, в растерянности потирая лоб. — Веду себя как безумный старик, позарившийся на смазливую мальчишку. Чтобы получше рассмотреть это кольцо из белого нефрита на его шее, придется придумать другой способ»

Он громко чихнул, зябко поежился и поспешил к себе, чтобы поскорее сбросить промокшие одежды.

<http://bllate.org/book/18368/1760209>